

Хоман бесцельно брёл вперёд. Тишина давила на него, воздух казался непосильной ношей, а вокруг клубилось давящее, абсолютное отчаяние.

Он даже не знал, куда идет.

Просто брёл вот так, спотыкаясь на каждом шагу.

Совсем как жил.

Он был заносчивым, надменным, полным амбиций завоевать весь мир. И при этом так легко проиграл какому-то простолюдину — нелепо и абсурдно.

Стоило сорвать с него личину королевского Сентинела, как под ней не осталось ничего, кроме жалких и смехотворных потуг. Борьбы.

Хоман яростно стиснул зубы, клыки вонзились в плоть, выступила кровь. Он хотел стать сильнее! Разве он был неправ?

Но он даже самому себе не мог объяснить, как Сентинел, проигравший простолюдину, может взойти на трон...

Отчаяние и боль сплелись в густой и горький абсент, предвещавший крах его амбициозных планов, похожих на злую шутку.

Шутку! Шутку!

Он по-прежнему оставался тем самым неудачником, над которым все смеялись! Клоуном, который пытался обмануть даже самого себя, отчаянно кутаясь во всё новые слои сладкой лжи!

Он думал, что ему не по силам тягаться лишь с королевской семьей, но на самом деле он не мог тягаться со всем миром.

Как бы он ни старался, сколько бы усилий ни прикладывал — получал в тысячу раз меньше, чем другие Сентинелы.

То, что казалось таким близким и достижимым, на поверку оставалось за тысячу миль. Он не продвинулся вперед ни на единый шаг.

Почему? Почему?

Хоман снова погрузился в свой замкнутый мир.

Он вскочил на ноги и со всего маху врезался головой в столетний гигантский тополь, но не услышал ни звука, пока его лоб не рассекло до крови и ноги не подкосились. Алая кровь наконец скрыла слёзы, безмолвно и жалко заявляя миру, что Хоман — сильный.

— Хэ.

Приятный, низкий мужской голос прозвучал неожиданно, словно кто-то случайно вторгся в его маленький мир.

Хоман поднял голову и против света увидел человека, сидевшего на ветке дерева.

Какой-то парень с насмешкой глядел на него сверху вниз.

Платиново-желтые волосы — настолько светлые, что казались серебряными, — красивый разрез глаз, крепкое, ладное телосложение. Он полулежал на стволе, и если бы не его насмешливое фырканье, эту картину можно было бы принять за полотно художника.

Парень опустил голову, и сияющие, подобные золоту зрачки казались почти демоническими под лучами солнца. Светлый оттенок волос напомнил Хоману изящную причёску королевы-матери, убрannую за уши.

Брови изломом напоминали мечи, глаза казались глубокими, прямой нос разделял мужественные черты лица. Когда он наклонил голову, обнажился изящный изгиб подбородка, в котором невольно проскальзывала мальчишеская юность — судя по всему, он был совсем молодым.

Заметив, что Хоман тупо, как дурак, пялится на него, парень скривил губы в издевательской улыбке и медленно выдал то, на что был способен лишь ядовитый змей:

— Какая гадость.

Липкая кровь налипла на ресницы Хомана, застилая обзор, и капля за каплей падала на землю.

Парень спрыгнул с дерева, заслонив собой большую часть солнечного света, и, неизвестно откуда достав платок, набросил ему на голову.

Хоман с удивлением обнаружил, что стоявший перед ним парень невероятно высок — он возвышался над ним по меньшей мере на голову. Стройный стан, широкая грудь, а всепоглощающее чувство давления накатывало волна за волной, едва позволяя сделать вдох.

И при этом такая пугающая мощь исходила от Гуйда!

Верно, этот мужчина был Гуйдом!

Причем несовершеннолетним Гуйдом. Его феромоны едва ощущались, но Хоман всё же уловил их.

Парень приподнял брови, глядя вдаль, равнодушно бросил на него последний взгляд и зашагал прочь.

Длинные волосы развевались на ветру, шаги были твердыми и уверенными, а в каждом движении чувствовалось натяжение мышц и первобытная сила, выдававшая скрытую в хозяине взрывную мощь — и ни капли свойственной Гуйдам хрупкости. Чуть повернув голову, он слил свои ресницы с солнцем, и на несколько секунд Хоману даже показалось, что перед ним сам бог солнца Аполлон.

Холодная отрешенность не могла скрыть бушующего внутри пламени, ослепительно прекрасного.

Бзынь!

Хоман почувствовал, как в его голове лопнула струна. Вся остатки его рассудка были потрачены разом — именно в этот день.

Широко раскрытые глаза налились кровью: он должен заполучить его! Это его Гуйд!

Третий принц, отродясь не веривший в предначертанные судьбой встречи, в этот момент ощутил бешеный выброс адреналина. Нахлынувшая волна кипящей крови ударила в самую макушку, и он бросился вперед, цепляясь за стволы деревьев, но обнаружил, что от златокудрого красавца не осталось и следа.

Однако вернувшись в общежитие, Хоман не смог успокоить бушующее сердце. В груди нарастало зудящее безумие, а образ прекрасного юноши непрерывной чередой проносился в голове.

Это странное влечение возникло не вдруг — оно развивалось исподволь, переплетаясь с недавним горьким осознанием реальности, но лишь подстегивало совершенно иное безумство.

Он не сдастся! Только став достаточно сильным, по-настоящему сильным, этот парень...

Хоман вновь и вновь вертел в руках пропитанный кровью носовой платок, с жадностью втягивая оставшийся на нем запах. Неизвестно, из какого шелка он был соткан: мягкий, но

идеально ровный, с тонким и причудливым узором, а в уголке красовалась заглавная буква «l·s».

Затуманенный наваждением разум Хомана наконец немного прояснился: так кто же этот платиновый блондин?

Он понятия не имел, как его зовут. Но разве это беда? Неужели он не сможет отыскать одного человека? Тем более с его редким, бросающимся в глаза платиновым цветом волос и благородной осанкой. Такой человек всегда выделялся в толпе, как журавль среди кур.

Его настроение напоминало американские горки: то падало на дно пропасти, то взмывало до небес.

— Скрип...

Дверь отворилась. Лука, сосед по комнате, которого Хоман, казалось, не видел целую вечность, с удивлением посмотрел на принца, но тут же взял себя в руки и занялся своими делами. Его компаньон — серый волк — тоже вернулся следом и тихонько примостился в углу, погрузившись в дремоту.

Погруженный в изучение платка Хоман опомнился и торопливо выпрямился.

Военная академия Феникс изначально была школой с обязательным проживанием в общежитии, но Его Высочество принц всегда обладал некоторыми привилегиями. К тому же из-за особого телосложения Хоман часто болел, поэтому неизменно жил во внешнем дворце свиты, лишь изредка оставаясь ночевать в академии.

Так что появление Хомана немало удивило Луку.

Хотя они и делили один блок, пересекались редко: у каждого была своя спальня, и общей оставалась лишь гостиная. К тому же Лука учился на отделении ближнего боя, его режим дня кардинально отличался от расписания Хомана, так что они почти не разговаривали.

— Лука.

Лука, стоя перед зеркалом с бритвой в руках, от неожиданности вздрогнул, услышав голос Хомана.

— А?

У Его Высочества принца сегодня появилось настроение с ним поболтать?

Хоман сглотнул:

— Ты не знаешь, есть ли у нас в академии Гуйд, чье имя начинается на «л», а фамилия — на «с»?

В чем Луке не было равных, так это в осведомленности обо всяких Гуйдах — в этом вопросе он разбирался от и до. Пользуясь популярностью как боевик ближнего боя, он был знаком со многими Гуйдами.

Вот только с каких это пор Третий принц вдруг заинтересовался Гуйдами? Солнце что, взошло на западе?

В конце концов, по слухам, доходившим до Луки, Третий принц Хоман всегда дорожил репутацией отличника, был глух к тому, что творится за окном, и думал лишь об учебе. Проявить интерес к Гуйду было для него крайне необычно.

Поэтому вечно любящий погулять Лука счел это дело весьма забавным:

— На «л·с»?

Лука перечислил:

— Летиция Скинтер, Лора Сандиферс, Лена Самуэльсон, Ли Сандер...

Хоман перебил:

— Он парень.

Лука задумался:

— Лаки Сандлмен, Лэрд Стри, Лэнс Тор...

Хоман с бесстрастным лицом уточнил:

— Серебряные волосы, очень светлые, почти белые. Высокий. Лицо... очень красивое.

Лука замер, его лицо приняло странное выражение:

— Подожди... ты... неужели ты говоришь о Шредере? Ты что, связался с ним?!

Последняя фраза прозвучала на повышенных тонах, неприятно резанув слух Хомана.

В глазах Хомана мелькнуло волнение:

— Людвиг Шредер?

Тот самый сын Великого герцога Роз?!

По ряду причин жизненные пути Хомана и Людвига удивительным образом расходились, да и сам он не любил совать нос в чужие дела. В итоге, несмотря на то, что они столько лет учились в одной военной академии, Хоман до сих пор ни разу не видел Людвига.

Этот парень, родившийся с ним в один год, месяц и день, существовал для него лишь на словах.

Однако Хоман поистине не ожидал, что их первая встреча примет столь живописный оборот.

Лука опустил бритву и повернулся к погруженному в задумчивость Хоману:

— Ваше Высочество, я бы всё же советовал вам держаться от этого парня подальше.

Этот тип, этот тип — просто ходячая машина для избиения! Красив, спору нет, но ведь у каждой розы есть шипы! Я еще не видел Гуйда, для которого избиение людей было бы таким развлечением! Если бы не феромоны, любой бы поклялся, что он Сентинел!

Хоман переспросил:

— Избиение...

— Раз уж он так любит драться, можно было бы назвать его боевым Гуйдом, но его компаньон — это тупой попугай, который только и умеет, что нести чушь и каркать, пользы от него ноль... И при этом он умудрился отправить в больницу Рэндалла, грозу нашего курса! До чего же свирепый! Какой бедняга в будущем достанется ему в пару, тому в следующей жизни точно не поздоровится!

При этих словах серый волчонок Сика, компаньон Луки, в знак согласия пару раз тихонько тьякнул.

Хоман твердо произнес:

— Я стану его Сентинелом.

Лука тяжело вздохнул:

— ...Желаю счастья.

— Бац!

Едва они успели умолкнуть, как дверь снова содрогнулась от удара.

В комнату, пытаясь, ввалился небольшой черный дракон. Спотыкаясь, он вразвалочку добрался до мягкого и удобного дивана, рухнул на него и искоса уставился на Хомана, словно упрекая в непредсказуемости его передвижений. Несовершеннолетние Сентинелы и их компаньоны обладали определенной степенью взаимной ментальной связи, поэтому даже при вольном содержании большинство компаньонов были способны самостоятельно отыскать хозяина.

— Ого! — восхитился Лука.

— Это твой компаньон?

За долгие годы учебы у Хомана сменилось не меньше пяти соседей по комнате — сказывался его затянувшийся период взросления. Лука жил в этой комнате всего год, переехав после выпуска прежнего соседа, и, естественно, никогда раньше не видел столь неуловимого дракона, похожего на мифическое существо.

Хоман выдал неопределенный звук, подтверждая догадку.

— Круто! — Лука обошел вокруг Симона, цокая языком. — Такая мощь, почему ты пошел не на ближний бой, а на факультет биологии...

На полуслове он вдруг сообразил, что рядом находится Хоман, и тут же замолчал. Оглянувшись и заметив, что Хоман, похоже, никак не отреагировал, он с натянутой улыбкой удалился.

<http://bllate.org/book/19385/1896223>